

УДК 130.3

*Белик К.С.,
старший преподаватель кафедры общей и прикладной политологии,
Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева.*

Нравственный смысл насилия и войны в философии В.С.Соловьёва

В статье рассматривается философский взгляд В.С.Соловьёва на нравственную проблему войны и насилия в политике и истории. Допустима ли война с нравственной точки зрения в политической практике, и если допустима, то как она может быть оценена с точки зрения дилеммы добра и зла.

***Ключевые слова:** Владимир Сергеевич Соловьёв; нравственность; этика; война; насилие; политика; государство; русская философия.*

***Belik Konstantin,**
senior lecturer, Department of General and applied political science,
Orel state University*

The moral meaning of violence and war in the philosophy of V.S.Solovyov

The article discusses the philosophical view of V.S.Solovyov on the moral problem of war and violence in General in politics and history. Is it permissible war from the moral point of view in political practice, and if valid, how it can be assessed from the point of view of the dilemma of good and evil.

***Keywords:** Vladimir Sergeevich Solovyov; morality; ethics; war; violence; politics; state; Russian philosophy*

Войны, насилие вообще, были и продолжают оставаться неперменным спутником истории и политики как текущего момента истории. Более того, в современной геополитической реальности проблема войны как средства международных отношений приобретает всё большее значение в виду очевидно начавшегося нового этапа мировой истории, связанного с глобальными геополитическими сдвигами, формирующими на наших глазах новую систему международных отношений и, пожалуй, новый долгосрочный тренд исторического развития как России, так и мира в целом, новый мировой порядок, в рамках которого нынешняя расстановка сил в глобальной политике претерпит кардинальные изменения. В частности, поэтому именно сегодня вопросы войны и мира, насилия в политике и истории являются особенно актуальными.

Проблема насилия и войны в истории и политике давно занимала философствующий ум. Некоторые мыслители, как, например, классики марксизма, полагали насилие одним из основных, если не основным,

двигателем историко-политических процессов. Так, по словам К.Маркса, насилие это своего рода повивальная бабка социально-политических явлений [1, с. 695]; равно как и деятельность государства представляет собой реализацию различных форм социального насилия.

Крупнейший русский философ Владимир Соловьёв также уделяет проблеме насилия и такому его проявлению, как война, огромное внимание, одним из первых в русской философии систематически разобрал это явление. Однако Соловьёв кардинально расходится с марксистами, как, впрочем, и с другими материалистами, в определении природы насилия и сущности государства, рассматривая данные проблемы с нравственной точки зрения. Если в марксизме причина государственного насилия – классовая борьба, то у Соловьёва – жалость. Государство, по Соловьёву, есть «собирательно-организованная жалость» [2, с. 522], ибо основным смыслом существования государства есть защита слабых и обиженных (защита мирных граждан от преступников и воинственных соседей, помощь людям во время различных бедствий и т.п.). В целях обеспечения этой защиты государство может, а часто просто обязано, прибегать к определённой мере насилия, в том числе и к войне как средству достижения политических целей. И, по Соловьёву, применение насилия со стороны государства будет неизбежным и необходимым до тех пор, пока нравственный идеал окончательно не овладеет людьми и общественное устройство не станет совершенным, но это случится уже за пределами истории, то есть в Царстве Божием.

В этом аспекте Соловьёв активно дискутирует с концепцией Л.Н.Толстова о непротравлении злу силой, призывающей всякого отказаться от применения насилия к кому бы то ни было, не зависимо от обстоятельств, а также к упразднению принудительных институтов государства. Соловьёв указывает на нравственную сомнительность подобного толстовского подхода, фактически предписывающего человеку в случае, если он стал свидетелем насильственных посягательств на невинного, самоустраниться и не помогать этому невинному с помощью силы, даже если она единственный способ его спасти. «Если какие-нибудь дикари ... нападут на путешественника с явным намерением его убить и перерезать его семейство, то он, без сомнения, *обязан* вступить с ними в бой – не из вражды или злобы к ним, а также не для того, чтобы спасти свою жизнь ценою жизни ближнего, а для того, чтобы защитить слабые существа, находящиеся под его покровительством», – пишет Соловьёв [2, с. 481].

Кроме того, размышляя о несостоятельности толстовства, Соловьёв указывает на то, что толстовство, говоря о взаимоотношениях злодея и противостоящего ему субъекта (который-де не должен применять по отношению к злодею силу), фактически игнорирует то, что «тут есть и третье лицо, и, кажется, самое главное, – жертва злого насилия, требующая моей помощи», которое толстовцы как раз всегда и забывают [4, с. 657].

Ну и, наконец, толстовская мечта о построении полностью ненасильственного общества, не нуждающегося в принудительной силе государства, суть не более чем не реализуемая на практике утопия, так как

опирается на невозможную идею внезапного достижения нравственного совершенства всем человечеством, ибо только при условии такого всеобщего нравственного совершенства и может быть создано общество, соответствующее толстовскому идеалу. Как замечает исследователь творчества В.С.Соловьёва Е.Н.Трубецкой, противопоставляя Толстова Соловьёву: «Толстой и толстовцы мечтают о внезапном достижении человеком Царствия Божия, т.е. состояния безусловного нравственного *совершенства* (что суть очевидная утопия – К.Б.). Напротив, Соловьёв противопоставляет им идею постепенного совершенствования, в котором государство является необходимым орудием» [5, с. 169].

И также как применение, при необходимости, насилия для защиты слабого, по Соловьёву, есть моральный долг всякого человека, это есть и долг государства. Государству невозможно отказаться, как предлагает Толстой, от своих насильственных институтов вроде полиции или армии, так как посредством их деятельности государство только и может реализовать свой моральный долг «собираательно-организованной жалости» по отношению к неспособным самостоятельно защитить себя отдельным людям и целым сообществам; ибо пока нравственная природа человека не изменится, достигнув совершенства, эксцессы насилия и злобы по отношению к невинным будут продолжаться, препятствием чему и призвано быть государство и его «принудительная организация»: «И пока Каиновы чувства не исчезли в сердцах людей, солдат и городской будут не злом, а благом», — пишет Соловьёв [2, с. 482].

Государство постоянно прибегает к принуждению как во внутренней политике (борьба с преступностью, усмирение гражданских волнений, когда они начинают угрожать стране и обществу в целом и т.п.), так и в политике внешней.

Внешняя политика представляет собой деятельность государства на международной арене, регулирующую отношения с другими субъектами международной деятельности, то есть с другими государствами и народами, а также решения тех или иных задач внутреннего развития страны, если эти задачи требуют опоры на какие-либо внешние ресурсы. Кроме того, внешняя политика государства также может быть обусловлена решением страной и народом определённых задач в аспекте их всемирно-исторического долженствования, которым, по Соловьёву, в рамках «национальной идеи», которая представляет собой замысел Бога о народе [3, с. 165], обладает любая нация.

К сожалению, межгосударственные отношения развиваются не всегда в мирном русле. Насилие в мировой истории играло и продолжает играть огромную роль, создавая и разрушая державы, направляя весь исторический процесс по тем или иным рельсам. Насилие в международной политике проявляется в первую очередь в виде войн, и именно война является одним из важнейших средств мировой политики вплоть до настоящего момента всемирной истории.

Обосновывая нравственную допустимость и даже необходимость принуждения внутри государства, с целью защиты граждан от различных антиобщественных посягательств, Соловьёв распространяет ту же точку зрения и на межгосударственные отношения, доказывая, что и в области внешней политики есть определённый этический минимум, осуществление которого должно обеспечиваться силой.

Рассматривая войну с нравственной точки зрения, Соловьёв признаёт, что это зло, но утверждает, что это зло относительное. Относительное зло – это зло, которое допускается ради избавления от ещё большего зла и тем самым становится по отношению к большему злу относительным добром. Так, Соловьёв приводит пример с маленьким ребёнком, выбросить которого из окна есть зло, однако выбросить его из окна, спасая от пожара, есть благо и даже обязанность. Так и война, являясь злом сама по себе, может выступать как относительное добро, если препятствует злу ещё большему.

Соловьёв пишет: «Смысл войны не исчерпывается её отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть нечто положительное – не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимою при данных условиях» [2, с. 464].

В чём же заключается положительный нравственный смысл войны? «Организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира» [2, с. 467], – даёт парадоксальный ответ Соловьёв. Но действительно, с помощью войны из мелких государств образуются крупные империи, внутри которых стираются границы, тем самым устанавливаются и расширяются зоны мира, ибо основные конфликтные линии проходят именно по границам, по стыкам различных государств, которые, обладая различными интересами, с неизбежностью приходят к конфликтам по поводу реализации этих интересов, по поводу конкуренции за ограниченные ресурсы и тому подобное. Внутри же одного государства эти неизбежные противоречия легко преодолеваются, и поскольку количество государств, а значит и линий их соприкосновения, границ, в ходе создания империй уменьшается, то и количество конфликтов уменьшается тоже. «Особенно это ясно в истории обширных завоевательных держав (всемирных монархий). Каждое завоевание здесь было распространением мира, то есть расширением того круга, внутри которого война переставала быть нормальным явлением и становилась редкою и предосудительною случайностью – преступным междоусобием» [2, с. 467]. Соловьёв доказывает, что желание утвердить на земле мир и порядок было одним из основных мотивов завоеваний у всех великих держав, начиная с Ассирии и даже раньше.

Осуществляя внешнее объединение, войны подготавливают и внутреннее сближение как внутри каждого отдельного народа, так и между различными народами. Поэтому войны имеют огромное культурное значение. Греко-персидские войны, например, вызвали высокий подъём духовного творчества, а завоевания македонские и римские «произвели тот великий эллино-восточный синтез религиозно-философских идей, который – вместе с последующим

римским государственным объединением – составлял необходимое историческое условие для распространения христианства» [2, с. 469].

Война, как замечает Соловьёв, сыграла также огромную прогрессивную роль для существования и становления христианской цивилизации. Само распространение христианства произошло благодаря существованию завоевательной Римской Империи, по знаменитым римским дорогам, построенным для передвижения римских легионов: «Без «римского мира» и римских военных дорог дело Евангельской проповеди не могло бы совершиться так быстро и в таких широких размерах» [2, с. 469]. Более того, с точки зрения Соловьёва, войны и созидавшиеся с их помощью империи были провиденциальными средствами, подготавливавшими приход в мир Спасителя и распространение Его учения: «Все войны, которыми полна вся древняя история, только расширяли область мира, и «звериные царства» язычества приготавливали пути для возвещавших Царство Сына Человеческого» [2, с. 470].

И впоследствии военная сила стояла на страже сохранения христианства, христианской цивилизации от уничтожения. Достаточно вспомнить многовековое вооружённое противостояние христианства и ислама, в результате которого христианский мир, сохранив не только свою независимость, но и самоё себя, тем самым сберёг для человечества основы высшего духовного развития от поглощения более низшим, сравнительно с ним, религиозным началом. Кроме того, соприкосновение, хотя и враждебное, христианства и ислама привело их к взаимному культурному обогащению.

А в Новое время начался процесс объединения всего мира под эгидой европейской цивилизации, которая стала воистину цивилизацией мировой. И война в этом процессе сыграла и продолжает играть самую активную роль (европейские колониальные завоевания, опиумные войны в Китае, насильственное «открытие» Японии и так далее).

Фактически Соловьёв предвосхищает современные бурные процессы глобализации (которые, впрочем, активно развивались уже в современном ему мире) и предрекает неизбежное «установление международного единства в виде всемирного государства» [2, с. 477]; и, с его точки зрения, война в этом процессе является «главным средством» [2, с. 478].

Итак, с помощью войны будет достигнуто внешнее объединение человечества. В рамках единого человечества противостоящих друг другу, конфликтующих государств и наций больше не будет – будет достигнут глобальный мир. Но именно тогда вполне проявится недостаточность этого внешнего единства. Единство прекратит внешнюю борьбу наций, но не прекратит экономическую борьбу классов, конфликты различных религиозных конфессий, межличностные конфликты, в конце концов. Объединение человечества неизбежно обнаружит, «что мир внешний сам по себе ещё не есть подлинное благо, а что он становится благом только в связи с внутренним перерождением человечества. И тогда только – когда не теорией, а опытом будет познана недостаточность внешнего единства – может наступить полнота времён для одухотворения объединённого вселенского тела, для осуществления в нём Царства Правды и Вечного мира» [2, с. 478].

Таким образом, по мнению Владимира Соловьёва, война является необходимым элементом историко-политического процесса, без которого прогресс человеческого общества был бы невозможен. Тем не менее, война является объективным злом и потому может быть лишь временной необходимостью, нужной до тех пор, пока человечество не достигло такой степени нравственного развития, на которой уже не нужны внешние насильственные барьеры, препятствующие распаду человеческого единства. «Война, – пишет Соловьёв, – была прямым средством для внешнего и косвенным средством для внутреннего объединения человечества. Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно перестало быть нужным и чтобы естественная организация разделённого на враждующие части человечества действительно переходила в его нравственную, или духовную, организацию» [2, с. 484].

Список литературы

1. Маркс К. Капитал // К.Маркс, Ф.Энгельс Избранные сочинения: В 9 т., Т. 7. М., Издательство политической литературы, 1987. 811 с.
2. Соловьёв В.С. Оправдание Добра // Соловьёв В.С. Сочинения: В 2 т., Т. 1. М., Мысль, 1990. С. 47-548.
3. Соловьёв В.С. Русская идея // Россия и Вселенская Церковь. Мн., Харвест, 1999. С. 161-206.
4. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Сочинения: В 2 т., Т. 2. М., Мысль, 1990. С. 635-762.
5. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С.Соловьёва: В 2 т., Т. 2. М., Медиум, 1995. 624 с.

References

1. Marx K., Capital // K. Marx, F. Engels, collected works: In 9 vol, V. 7. M., Publishing house of political literature, 1987. 811 p.
2. Solovyov V.S. The Justification of the Good // Solovyov V. S. Works: V 2 v. V. 1. M., 1990. P. 47-548.
3. Solovyov V.S. The Russian idea // Russian and the Universal Church. Mn., 1999. P. 161-206.
4. Solovyov V.S. Three conversations on war, progress and the end of world history // Solovyov V.S. Works: V 2 v. V. 2. M., 1990. P. 635-762.
5. Trubetskoy E.N. The worldview of V.S.Solovyov: In 2 vol, volume 2. M., 1995. 624 p.